

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Д. А. Будюкин

КОММЕМОРАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВКЛАДНЫХ НАДПИСЕЙ XVII–XVIII ВЕКОВ НА ПРЕДМЕТАХ ИЗ СОБРАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕРЕБРА РИЗНИЦЫ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

Автор выясняет значение вкладных надписей для установления и сохранения социальной и родовой памяти. На основе анализа вкладных предметов из собрания европейского серебра ризницы Троице-Сергиевой лавры изучается соотношение религиозного и социально-престижного аспектов церковной коммеморации.

Ключевые слова: коммеморация, память, поминовение, церковь, вклады, вкладные надписи, Троице-Сергиева лавра, европейское серебро.

Одной из основных христианских религиозных практик, долгом каждого христианина является молитвенное поминовение живых и умерших, составляющих в своей совокупности единую Церковь; при этом богослужебное поминовение действеннее частной молитвы, и важнейшим и наиболее действенным является литургическое поминовение¹. Вокруг него строится совокупность практик, включающих вклады и пожертвования Церкви, религиозно и мемориально мотивированную благотворительность, храмоздательство, похоронные обряды и обустройство мест погребения, фамильные культы святых. Основная цель всех этих практик – способствовать спасению души христианина. Однако такая забота о спасении является также источником особого символического капитала, повышая престиж и социальную значимость самого вкладчика и его рода, а также транслируя память о нем будущим поколениям. Эти факторы формируют нерелигиозный, светский аспект церковной коммеморации.

Усилия, направленные на достижение спасения души, как собственной, так и умерших близких, обусловлены только силой религиозной веры и эмоциональной привязанности. Социальные и экономические факторы могут лимитировать их отсутствием средств и возможностей, но не стимулировать. Однако те же практики, имеющие целью светскую коммеморацию, социально и экономически обусловлены. В средневековом сознании религиозная и светская мотивации коммеморативных практик, тогда безусловно связанных с Церковью, в принципе неразделимы, и даже

после секуляризации культуры и появления в России особых светских форм коммеморации (портретов, геральдики) провести между ними четкую границу невозможно. Однако уже тогда в чрезмерном рвении к церковной коммеморации могла видеться не польза для души, а, напротив, пагубная гордость. Например, церковь Святого Владимира, возведенная в Кирилло-Белозерском монастыре над могилой умершего в 1553 г. князя Владимира Ивановича Воротынского его вдовой Марией Федоровной, сделала его первым в России частным лицом (не владельцем князем и не иерархом Церкви), погребенным внутри храма². В своем Послании в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.) Иван Грозный высказался по этому поводу так: «А вы се над Воротыньским церковью есте поставили! Ино над Воротыньским церковью, а над чудотворцом нет. Воротыньской в церкви, а чудотворец за церковью! <...> Слышах брата от вас некоего глаголюща, яко добре се сотворила княгиня Воротыньскаго. Аз же глаголю, яко не добре, по сему первое яко гордыни есть и величания образ, еже подобно царстей власти церковью и гробницею и покровом почитатися. И не токмо души не пособь, но и пагуба: души бо пособие бывает от всякого смирения»³.

Возможность хотя бы частичного выделения нерелигиозной мотивации церковной коммеморации представляет значительный исследовательский интерес. Так, в сословном обществе престиж и трансляция памяти особенно важны и значимы для дворянской элиты. Согласно О. Г. Эксле, в осно-

ве аристократизма лежит воспоминание. Аристократические качества наследуются и прибавляются с каждым последующим поколением, и чем дальше в глубь веков уходит родословная индивида (а значит – длиннее традиция воспоминания), тем он благороднее. Поэтому аристократию формирует именно *memoria* – память об умерших предках, их славных деяниях – как представление и как практика⁴. Таким образом, выяснение степени заинтересованности социальной группы в статусно-престижных аспектах коммеморации может внести немалый вклад в разработку социальной характеристики этой группы.

Можно отметить, что некоторые формы церковной коммеморации имеют особое значение для коммеморации светской. Предполагая и включая в себя богослужбное поминовение, они имеют при этом особое значение для сохранения социальной памяти. В первую очередь в связи с этим нужно отметить вклады предметов с надписями. Будучи материальным обеспечением богослужбного поминовения, предмет с надписью является также непосредственным носителем памяти. В некоторых случаях вкладные надписи на церковном предмете свидетельствуют о неординарных усилиях вкладчика по установлению и сохранению памяти в ее социально-престижном аспекте. Так, княгиня Елена Алексеевна Долгорукова в память о своем умершем муже князе Юрии Юрьевиче вложила в московский Богоявленский монастырь серебряное церковное (вероятно, кутейное) блюдо⁵. Блюдо украшено подробнейшей вкладной надписью, которая для нас является единственным источником даты смерти князя (7 апреля 1747 г.), монограммами князя и княгини, изображением их святых покровителей и гербом Долгоруковых. Отсутствие второго герба подчеркивает то, что княгиня, будучи урожденной княжной Долгоруковой, принадлежит по рождению к тому же роду, что и ее муж, при этом блюдо – единственный в собрании произведений московских серебряников Московского Кремля предмет с изображением герба частного лица⁶. Очевидно, что речь в данном случае идет не просто об обеспечении ценным вкладом погребения и поминовения в монастыре, но и о сознательных усилиях по установлению социальной памяти о покойном, знатности его рода и его браке.

Полное исследование надписей на вложенных в российские церкви и монастыри

предметах, особенно относящихся к XVIII – началу XX в., чрезвычайно затруднено по нескольким причинам. Во-первых, в советское время было утрачено так много предметов этого периода, что совокупность сохранившихся становится нерепрезентативной, тем более что главный неслучайный фактор сохранности предмета – его особая художественная ценность⁷. Во-вторых, сохранившиеся предметы распределены по различным музейным собраниям и большей частью не опубликованы. Научное значение анализа большинства отдельных собраний значительно снижается в силу того, что предметы в этих собраниях объединены только тем, что оказались в одном и том же месте по различным случайным причинам. Одним из немногих счастливых исключений в данном случае является собрание ризницы Троице-Сергиевой лавры: абсолютное большинство входящих в него предметов находились в нем изначально. Это позволило исследователям сопоставить сохранившиеся предметы с данными вкладных и хозяйственных книг, выявив вкладные предметы без надписей⁸, что дает нам возможность исследовать наличие либо отсутствие надписей именно среди вложенных в монастырь предметов. При этом описанное в каталоге⁹ и сравнительно небольшое лаврское собрание европейского серебра имеет существенную особенность: все русские надписи были нанесены на предметы специально, отдельно от их изготовления.

Рассмотрение предметов из собрания европейского серебра в связи с наличием на них вкладных надписей показывает четкую закономерность. До середины XVII в. вкладные надписи на вложенных предметах, как правило, отсутствуют. Это относится и к первому по хронологии вложенному частным лицом предмету из собрания – кубку (№ 59)¹⁰, вложенному в 1612 г. княгиней Марией в память о князьях Михаиле Александровиче и Василии Михайловиче Рубце Масальских, и к пяти кубкам (№ 2, 11, 13, 57 и 58), входящим в богатейший вклад по князю Ивану Васильевичу Голицыну его вдовы (1627 г.)¹¹. Первым в собрании предметом с вкладной надписью является богато декорированное португальское блюдо (№ 39), данное «ставить с кутьею на гробнице боярина князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкова»¹² его вдовой княгиней Анной Тимофеевной в 1628 г. Из восьми вкладных предметов первой половины

XVII в. вкладная надпись есть только на этом блюде.

Между 1650 и 1710 гг. мы можем наблюдать противоположную картину. Из десяти предметов, вложенных в этот период, только один не несет на себе вкладной надписи. Это ложка, вложенная до 1701 г. стольником Василием Петровичем Головиным. Поверхность этого небольшого предмета покрыта резьбой и эмалью, и для надписи там просто нет места, что, видимо, и является причиной ее отсутствия. Среди вкладчиков предметов с надписями есть и представители монастырского духовенства – келарь и настоятель монастыря, однако купцов, даже представителей их высшего слоя – ведущих зарубежную торговлю гостей – нет. Содержание всех надписей стандартно и исчерпывается указанием имени вкладчика и / или лица, в память о котором внесен вклад, а также даты его внесения. Большая часть вкладов, как за этот, так и за предшествующий период, внесена вдовами в память о покойных мужьях, что вполне соответствует ожиданиям¹³. За 1710–1750 гг. в собрании нет ни одного вкладного предмета. После 1750 г. они появляются, но их небольшое число (три) не позволяет выявить какой-либо закономерности.

Таким образом, можно сделать вывод, что в середине XVII в. в мотивации вкладчиков произошли заметные изменения. Дата «перелома» (около 1650 г.) показывает, что эти изменения не стали следствием Раскола¹⁴, а, напротив, могли явиться одной из предпосылок церковной реформы. Сущность произошедшей перемены можно обозначить как стремление вкладчиков к индивидуализации своего вклада и присоединение к церковно-богослужебному поминовению светской коммеморации через предмет и надпись на нем. Как отмечает Л. Б. Сукина, «для человека второй половины XVII в. важным было не только коллективное спасение всего рода, к которому он принадлежал, но и его индивидуальная судьба»¹⁵, что, очевидно, связано в том числе и с господствовавшими в то время эсхатологическими представлениями¹⁶. Однако не совсем ясно, в какой мере актуализация эсхатологических ожиданий и обостренное беспокойство о своей посмертной судьбе мотивируют вкладчика, не довольствуясь записью в синодике, специально заботиться о нанесении коммеморативной надписи на вкладываемый предмет. На наш

взгляд, объяснение данного явления может лежать скорее в установлении родовой памяти демонстрации благочестия как факторах легитимации высокого социального статуса, что естественно сочетается с личной религиозностью и эсхатологическими ожиданиями.

Рассматриваемое собрание, состоящее в силу своего западноевропейского происхождения преимущественно из светских предметов, не может дать оснований для выводов о предпочтениях вкладчиков по виду вкладываемого предмета. Однако, несколько выходя за рамки исследуемого источника, можно предположить, что особое коммеморативное значение имеют блюда для кутьи – предметы индивидуальные, именные и при этом специально предназначенные для поминовения¹⁷. Этому предположению соответствует и блюдо – вклад по князю Д. Т. Трубецкому, первый предмет с вкладной надписью из данного собрания, и блюдо 1747 г. – вклад по князю Ю. Ю. Долгорукову с необычно подробной надписью. Таким образом, кутейные блюда и надписи на них требуют более детального изучения в связи с их коммеморативной функцией.

По послепетровскому времени троицкое собрание европейского серебра, подтверждая общеизвестный факт снижения активности вкладчиков в этот период, в силу своей нерепрезентативности не дает материала для каких-либо новых выводов. Тем не менее, в целом можно заключить, что изучение данного собрания представляет немалый интерес для изучения коммеморативной функции вкладных надписей и позволяет сделать существенные выводы, а также предположения, требующие проверки с привлечением других источников.

Примечания

¹ Афанасий (Сахаров), свт. О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. М.: Сатисъ, 2007. С. 55, 85.

² См.: Сукина, Л. Б. Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2011. С. 202–203; Kleimola, A. A woman's gift: the patronage of commemoration in the Russian North // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. 2001. Vol. 58. P. 151–161; Soldat, C. Sepulchral monuments as a means of communicating social and political power of nobles in early modern Russia // *Contested spaces*

- of nobility in early modern Europe. Aldershot : Ashgate, 2011. P. 103–126.
- ³ Послания Ивана Грозного. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. С. 173.
- ⁴ Эксле, О. Г. Аристократия, тетогия и культурная память (на примере мемориальной капеллы Фуггеров в Аугсбурге) // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М. : Кругъ, 2003. С. 38.
- ⁵ Костина, И. Д. Произведения московских серебряников первой половины XVIII века : каталог. М. : Моск. Кремль, 2003. № 325. С. 387–388.
- ⁶ Там же. С. 24.
- ⁷ См., напр.: Русское серебро XVIII века в собрании Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» / авт.-сост. В. М. Уткина. М. : Север. паломник, 2009. С. 5.
- ⁸ См.: Воронцова, Л. М. Европейское серебро из ризницы Свято-Троицкой Сергиевой Лавры : каталог. Сергиев Посад : Изд-во СТСЛ, 2011. 304 с.; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева ; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М. : Наука, 1987. 440 с.
- ⁹ Воронцова, Л. М. Указ. соч.
- ¹⁰ Здесь и далее нумерация по каталогу: Воронцова, Л. М. Указ. соч.
- ¹¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 135.
- ¹² Текст вкладной надписи: Воронцова, Л. М. Указ. соч. С. 197.
- ¹³ См.: Будюкин, Д. А. Гендерные аспекты коммеморации нобилитета // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен : материалы Пятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН (4–7 окт. 2012 г., г. Тверь) : в 2 т. М. : ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С. 219–222.
- ¹⁴ См.: Сукина, Л. Б. Человек верующий... С. 146.
- ¹⁵ Сукина, Л. Б. Князь И. П. Барятинский – донатор Троицкого Данилова монастыря (к вопросу о личности вкладчика второй половины XVII в.) // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 278.
- ¹⁶ Сукина, Л. Б. Человек верующий... С. 160–161.
- ¹⁷ См.: Афанасий (Сахаров), свт. Указ. соч. С. 114–116.